

ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Научный журнал

Выпуск 4 (51)

Рязань 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Регистрационный номер **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц., проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина,

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина),

С. Ю. Погапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка – партнер Гёте-Института, Международная
академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

Л. Г. Викулова, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет),

А. Г. Голодов, д-р филол. наук, доц., проф. каф. германских языков и методики их преподавания (Рязанский
государственный университет имени С. А. Есенина),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрессигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Институт философии и права Национальной академии Армении, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

Е. Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, Симферополь),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

В. Г. Решетов, д-р филол. наук, проф. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц., проф. каф. литературы (Рязанский государственный университет име-
ни С. А. Есенина),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. восточных языков и методики их преподавания (Рязанский
государственный университет имени С. А. Есенина).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина», 2019

© «Иностранные языки в высшей школе», 2019

О взаимодействии лексических значений: контекстная зависимость и семантическое принуждение (coercion)¹

В статье рассматриваются процессы взаимодействия лексических значений в тексте и контексте. Основываясь на понятии семантического принуждения (coercion), мы предлагаем рассматривать различные типы семантического взаимодействия лексических значений как значения композиционной и/или декомпозиционной функции от текста, контекста и прототипических значений данного выражения, при этом понятие коэрсии переосмысливается: если в языках программирования оно рассматривается как изменение типов, здесь мы рассматриваем эту операцию как приобретение дополнительных характеристик. Принятые в семантическом синтаксисе процедуры описания предлагается дополнить принципами герменевтического круга — пред-понимание целого определяет понимание части и, в свою очередь, понимание части приводит к пере-осмыслению целого.

полисемия; лексические значения; композиционная семантика; семантическое принуждение; контекстная зависимость

1. Проблемы полисемии и контекстуальной зависимости имеют ключевое значение для всех семантических теорий, а также практических задач, связанных с обработкой лингвистической информации. Попытаемся рассмотреть, какие решения могут быть предложены применительно, пожалуй, к наиболее интересному и менее всего изученному аспекту проблемы: каким образом новые значения могут возникать в результате композиции так называемых «обычных» значений. Решение этой проблемы предполагает существенный пересмотр имеющихся теорий семантического синтаксиса и композиционной семантики, исходящих из того, что значение целого есть результат композиционной функции от фиксированных значений компонентов. В частности, потребуется рассмотреть принципы возможных контекстно-зависимых композиционных правил, а также определяемых семантикой целого правил семантического принуждения (коэрсии), и пересмотреть принципы семантического согласования, предусмотрев возможность не только альтернативных, но и многомерных интерпретационных схем. Мы предлагаем рассматривать различные типы семантического взаимодействия лексических значений как гибкий процесс, зависящий от различных факторов. Смысл лексического элемента (выражения) в составе включающей его синтаксической структуры рассматривается лишь как частично определенный в словаре, поэтому представляется более уместным описать его как результирующее значение композиционной и/или декомпозиционной функции от текста, контекста и прототипических значений данного выражения. Остановимся в данной статье на некоторых аспектах данной проблематики.

2. Коэрсия — это семантическое принуждение, которое обычно понимается как регулярное или нерегулярное преобразование категориальных характеристик выражения с целью привести стандартные лексические значения некоторой лексической единицы в соответствие с его контекстным окружением. Данная концепция была реализована применительно к семантике формальных языков, впоследствии эти идеи продемонстрировали свою эффективность для описания семантических взаимодействий в естественных языках. Понятие коэрсии позволяет существенным образом пересмотреть казавшиеся устоявшимися представления о характере семантико-синтаксического структурирования: вместо концепции многозначного слова,

¹ Исследование выполнено на средства гранта РФФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете имени Им. Канта.

которое в зависимости от контекста реализует то или иное из своих значений, теория коэрсии позволяет рассматривать эти значения как появляющиеся в результате семантического взаимодействия. Теория коэрсии получила, в частности, системное развитие в теории порождающего лексикона² и композиции типов³. Возможно также рассмотрение этого механизма и в рамках так называемой грамматики конструкций⁴. Однако, как нам кажется, имеет смысл обратиться, в первую очередь, к широко известной в свое время, но в настоящее время несколько забытой семантической теории Уриеля Вейнрейха⁵, в особенности к его оставшейся незавершенной теории идиом⁶, при этом может быть использован предлагаемый У. Вейнрейхом дескриптивный аппарат — модифицированная версия интерпретативной семантики Н. Хомского. Данная версия, на наш взгляд, проще и удобнее для описания лингвистических фактов, нежели приспособленная к описанию синтаксиса логическая теория типов. Но более существенным представляются не столько процедуры описания, сколько исследовательская установка У. Вейнрейха, отрицающего разделение языковой сферы на стандартную и так называемую «отклоняющуюся», из чего следует, что общая лингвистическая теория должна описывать также и так называемые «аномальные» явления, не отсылая к поэтике или же стилистике. В целом же явление коэрсии может быть описано в рамках контекстно-зависимой композиционной семантики — подобное сочетание, ранее казавшееся оксюмороном, приобретает все большее распространение в современной лингвистике⁷.

Применительно к существующим описаниям коэрсии вводимые ограничения относительно семантических (категориальных и сочетаемостных) характеристик лексических единиц, безусловно, изначально были унаследованы из области описания формальных языков, где возможно жесткое задание типов, тем более что в формальных языках синтаксис определяет семантическую интерпретацию. В частности, при рассмотрении изменений лексических значений существующие лингвистические описания обычно исходят из предположения, что есть некоторые изначально существующие до коэрсии семантические структуры, которые затем видоизменяются, но, тем не менее, должны содержать некоторые инвариантные семантические элементы, сохраняющиеся при подобном преобразовании⁸. Хотя в дальнейшем были предложены более гибкие и расширяющие сферу применения коэрсии концепции⁹, тем не менее требуется более широкое и ориентированное на естественные языки понимание. Так, имеет смысл

² Q. v.: Pustejovsky J. The generative lexicon // Computational Linguistics. 1991. Vol. 17, no. 4. Pp. 409–441 ; Idem. The Generative Lexicon. Cambridge : Cambridge MIT Press, Massachusetts, 1995. 312 p.

³ Q. v.: Asher N. Lexical Meaning in Context. A Web of Words. Cambridge : Cambridge University Press, 2011 ; Idem. Types, meanings and coercion in lexical semantics // Lingua. 2015, March. N. 157. Pp. 66–82.

⁴ Ср.: «В литературе явления, связанные с реинтерпретацией, чаще всего обсуждаются в связи с коэрсией, преобразованием, которому подвергается значение выражения *a*, чтобы *a* могло соединиться с другим выражением *b* в осмысленное целое» (Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Синтаксис и семантика именного контрфактива // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Междунар. конф. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2017. Вып. 16 (23). Т. 2. С. 317). «С точки зрения грамматики конструкций такие случаи описываются не столько как приобретение словом нового значения, что, в свою очередь, приводит к изменениям в структуре высказывания, сколько как результат “давления” смысла конструкции на семантические и синтаксические свойства данного слова. Иными словами, предлагается объяснение, исходящее не из примата семантики, а из идеи “принуждения” (coercion) или “интеграции” (integration), когда участие слова в другом — изначально несвойственном ему — классе конструкций заставляет его изменить свое значение» (Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 11).

⁵ Q. v.: Weinreich U. Explorations in semantic theory // Current Trends in Linguistics / éd. T. A. Sebeok. The Hague : Mouton, 1966. Vol. 3. Pp. 395–477.

⁶ Q. v.: Weinreich U. Problems in the analysis of idioms // Substance and Structure of Language / ed J. Pulhvel. Berkeley (California) : University of California Press, 1969. Pp. 23–81.

⁷ См.: Золян С. Т. О формальном аппарате контекстно-зависимой композиционной семантики // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2015. Вып. 2 (33). С. 3–19.

⁸ Ср.: «Важно, что и значение данного слова должно содержать элементы, которые допускают включение слова в нестандартный контекст, и, следовательно, в подобных случаях точнее говорить об интеграции» (Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология. С. 11).

⁹ Q.v.: Audring J., Booij G. Cooperation and coercion // Linguistics. 2016. Vol. 54, no. 4. Pp. 617–637.

предусмотреть возможность задать новые категориальные характеристики, понимая это не как результат *принуждения* или *давления* «сбоку», то есть со стороны синтагматически связанных и управляющих компонентов, а как следствие *пилотирования*, то есть «сверху», путем переноса категориальных признаков результирующей структуры на ее компоненты¹⁰. Например, в сочетаниях «тупой нож», «тупой угол», «тупой человек» соответствующие характеристики вовсе не являются видоизменением некоторого «исходного» концепта «тупости» — различные значения многозначного слова могут быть представлены как включенные в семантический комплекс: нож *неодуш.*, *тупой*; человек *неодуш.*, *тупой*; угол *неодуш.*, *тупой*. В связи с этим при опущении существительного субстантивированное *тупой* может сохранять соответствующие признаки: «от тупого слышу», «не режь тупым», «тупой делится на два острых». Как самостоятельное явление, смысл прилагательного «тупой» существует как результат некоторой компрессии, и в качестве семантической единицы прилагательное сохраняет характеристики того комплекса, из которого оно результирует. С этой точки зрения не синтагма строится как соединение лексических компонентов, а, наоборот, эти компоненты в семантическом аспекте могут рассматриваться как результат распада того или иного комплекса. Аналогично можно рассматривать и явление многозначности различных (если не всех) прилагательных: это не столько различные значения одного и того же слова, сколько результат соответствующей сочетаемости (ср.: железная дверь, железное здоровье, железный довод и т.п.; различия в значениях лексемы «железный» есть следствие соответствующей сочетаемости, но никак не наоборот). Примечательно, что в лексикографической практике поступают с точностью до наоборот: вначале выделяются так называемые значения многозначного слова, потом к ним подбираются соответствующие контексты. Подобный подход может быть распространен и на глаголы: их семантические структуры могут быть представлены как результат распада комплексов «субъект — предикат» или «предикат — объект». Например, различные значения глагола «чистить» могут быть рассмотрены как результат компрессии различных субъектно-объектных структур (дворник чистит снег, мэр чистит аппарат, чистить картошку, чистить стены) и т. п. — во всех этих случаях «чистить» предполагает различные действия. Никакое знание языка без знания литературных источников не позволит понять, чем отличается *Беломор* от *Черномора*, кто из них одушевленный, кто нет. Эти существительные не являются исходными компонентами для соответствующих синтагм, а есть результат компрессии комплексов «Беломор-канал» и «дядька Черномор». Как видим, те же явления коэрсии могут быть рассмотрены с противоположной точки зрения, а именно: идя не от формальных языков, где родилось понятие коэрсии, а исходя, скорее, из принципов поэтической семантики, где смысл языковых выражений является величиной искомой, а не заданной¹¹. Такой подход создает принципиально отличную перспективу: не требуется постулировать существование некоторого «четко определенного» лексического значения, а затем наблюдать, как оно может или не может «удачно» быть преобразовано в новое. Вместо этого мы предполагаем, что любая лексическая единица может выражать потенциально бесконечное множество различных значений, так как нельзя исключать, что к множеству возможных значений можно будет добавить новое. Другое дело, что необходимо предусмотреть также и механизм определенной рекурсии к предыдущим употреблениям данной единицы. Действует несколько принципов композициональности, реализующих следующую исследовательскую установку: если рассматривать смысл как функцию от текста и контекста, то знать смысл слова — это знать, какой смысл может выразить слово в том или ином

¹⁰ Михаил Лотман определяет «пилотирующую структуру» как «макросему, управляющую процессом порождения текста» и присутствующую в каждом его компоненте (по аналогии с фонетической организацией сингармонизма). (См.: Лотман М. Ю. Семантическая структура связного текста и проблемы ее представления в АИПС. Таллинн : Эст. НИИ НТИ и техн.-экон. исслед., 1988. С. 18–19.)

¹¹ См.: Золян С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. Вып. 7 : Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты : материалы Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 69–85.

контексте, при этом следует предположить, что говорящий знает не только основное (прототипическое) значение слова, но и правила изменения смыслов в зависимости от внутритекстового или экстралингвистического контекста. На основе этого системного знания возможна способность понимать/определять тот смысл, который имеет данное слово в том или ином контексте. Поэтому для говорящего знать смысл слова — это уметь вычислить его смысл как функции в некотором множестве контекстов, начиная от нормативного до новаторского. Решение может быть найдено, если принцип композиционности понимать не как тривиальную конкатенацию (соположение), а как динамическое и многомерное взаимодействие смысловых единиц. Основанное на этом принципе описание будет применимо не только к контекстно-независимым композициям, но и к описанию контекстно-зависимых смысловых единиц и их сочетаний. Подобная теория исходит из того, что смысл компонента зависит от смысла включающего его целого. Сохраняя основные положения традиционных (словоцентричных или бесконтекстных семантических) теорий, подобная установка вместе с тем предполагает, что языковая единица не имеет фиксированного смысла вне некоторого контекста, а смысл этой единицы в отличие от ее значения (референта) есть внутрисистемное отношение. Смысл должен быть представлен не только как парадигматическое отношение, но и как синтагматическое — отношение или операция, соотносящая элементарные (или исходные) смыслы с их композицией. В соответствии с принципом композиционности смысл целого (сочетания, предложения) и в этом случае рассматривается как функция от компонентов, но в данном случае этот смысл берется не как заданный, а как формируемый в процессе сочетаемостных операций и определяемый только посредством этих операций, то есть как оператор (функция), преобразующий некий исходный смысл в новый комплексный смысл — смысловую композицию. Если смысл языкового знака в языковой системе можно представить как семиотическое отношение между формой знака и некоторым внелингвистическим объектом, то применительно к смыслу знака в тексте на это отношение надстраивается вторичная функция — отношение данного знака к тексту (контексту).

3. Процедуры анализа, описывающие смысл не только как отношение, но и как внутрисинтагматическое (взаимо-)преобразование лексических единиц в текстуальные, хорошо разработаны в поэтике, но практически не используются в лингвистике. При таком подходе слово рассматривается не как **обладающая заданной** лексиконом семантическая постоянная, а как контекстно-зависимая переменная. Бесконтекстное употребление языкового выражения в таком случае будет представлено как производное от множества принятых в данном языке контекстов, при этом метаязыковое употребление (пересказ, перифраза) языковых выражений есть множество контекстов, описывающих смысл данного выражения, в том числе и при его бесконтекстном употреблении¹². Но если слово не может обладать фиксированным и не зависящим от контекста смыслом, то соответственно говорящий не в состоянии знать смыслов употребляемых им слов, поскольку их нет в языке. Это заставляет вспомнить парадоксальный тезис Л. Витгенштейна: «Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, как и что означает каждое слово»¹³. В самом деле, именно зависимость слова от контекста позволяет наделять языковые выражения новыми смыслами и знание семантики лексической единицы предстает как знание этой зависимости: каким образом и благодаря каким контекстам происходит формирование текстуального значения.

Разрешить данный парадокс можно, если обратиться к теории Б. Малиновского. С одной стороны, он отрицал само существование значения слова, что приводило к проблеме принципиальной непереводаемости. Парадокс непереводаемости ученый решал за счет того, что значение есть контекстуально зависимая величина, и поэтому переводу подлежат не слова, а контекст ситуации.

¹² Ср.: «Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте». (Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1960. Вып. 1. С. 303.)

¹³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Иностранная литература, 1958. С. 44.

Слово вне контекста — это фикция, нет и не может быть контекстно независимых значений¹⁴. Возникает новый парадокс: речь состоит из слов, но слова как таковые не существуют. Б. Малиновский решает его следующим образом: соотносённость между словом и его контекстом, то есть языковым текстом, создает значение и наделяет слово реальным существованием¹⁵. При таком подходе, когда источником значения признается не лексикон, а обусловленное контекстом взаимодействие между контекстом и лексическим значением, коэрсия предстает не маргинальным, хоть и важным механизмом приспособления лексических значений к намерениям говорящих или контекстуальным требованиям, но может быть рассмотрена как механизм, определяющий более общую способность посредством рутинных лексических и грамматических правил производить и понимать новые значения или предлагать спектр различных возможных интерпретаций своего понимания или/и объяснений своего непонимания. Так, нет и не может быть **«правильное» или «истинное» толкование** предложения “*He sang his didn't he danced his did*” (E. E. Cummings). Это стихотворение может быть использовано в качестве демонстрации множественности возможных способов его семантизации, его семантико-синтаксическую организацию можно рассматривать как «коэрсию в действии», поскольку его возможные интерпретации обнаруживают различные виды принуждения.

Однако все эти интерпретации потребуют отказа от предположений, обычно принимаемых как постулаты, в частности: а) наличие у данных слов фиксированного лексического значения (в данном примере лексемам “dance” и “sing” невозможно приписать какое-либо определенное значение; б) не подтверждается и другое, принимаемое как постулат положение о том, что направление коэрсии должно идти от главного компонента к зависимому (в данном случае направленность возможных типов принуждения является двусторонней и ориентирована не только от вершины VP по направлению к NP2, но и от подчиненного NP2 к VP).

4. Все значения, как это было предложено Б. Малиновским и Л. Ельмслевом, можно рассматривать как контекстно-зависимые. Например, не существует такого действия, которое обозначалось бы глаголом «чистить» (чистить картофель и чистить **улицы**) **совершенно различные действия**. Смысл этого глагола можно представить не как набор различных значений и их лексических вариантов, как это представлено в словарях, а как одну функцию, зависящую от двух аргументов — субъекта (мэр, пылесос, мусорщик, полиция, моющее средство, редактор и т. д.) и объекта (улица, гетто, рыба, ковер, желудок, контент и т. д.)¹⁶. Возможно выделение и третьего аргумента — инструмента, который может быть либо опущен, либо выступать как субъект (ср.: «Новая метла хорошо метет»). В случаях же, когда требуется учет экстралингвистической ситуации (ср.: Так, во время субботника мэр обычно чистит город метлой), происходит актуализация обоих прототипических значений (мэр выступает и как мэр, и как дворник). На семантизацию может влиять и объект, и субъект (ср.: Редактор чистит рыбу), что потребует либо переносного понимания слова «рыбу» (черновой текст), либо прямого понимания слова «чистить» (удалять чешую и внутренности).

Однако некоторые из возможных значений «более равны»: для своей актуализации они требуют минимальной контекстуальной поддержки. Так, глагол «чистить» только для специфической аудитории будет ассоциироваться с работой над корректурой. Можно провести

¹⁴ Ср.: “Exactly as in the reality of spoken or written languages, a word without linguistic context is a mere figment and stands for nothing by itself, so in the reality of a spoken living tongue, the utterance has no meaning except in the context of situation”. (Malinowski B., Ogden C. K., Richards A. I. The Problem of Meaning in Primitive Languages // The Meaning of Meaning, Supplement I. London : Kegan Paul, Supplement I, 1923. P. 307.)

¹⁵ **We** started the last division on a paradoxical quest: how to translate untranslatable phrases and words. Our argument, which incidentally enabled us to solve the riddle of the paradox, landed us in another apparent antinomy: words are the elements of speech, but words do not exist. Having once recognised that words have no independent existence in the actual reality of speech, and having thus been drawn towards the concept of context, our next step is clear: we must devote our attention to the intermediate link between word and context, I mean to the linguistic **text**. (Malinowski B. Coral Gardens and their Magic // The Language of Magic and Gardening. London : Allen & Unwin, 1935. Vol. 2. P. 23.)

¹⁶ Ср. с понятием мягкого принуждения: Audring J., Booij G. Cooperation and coercion. Pp. 617–637.

некоторые аналогии с дистрибутивной семантикой¹⁷, когда предполагается, что любой лексический элемент может выражать любое значение, но с различными вероятностями: от близкого к 1 (практически всегда) до близкого к 0 (практически никогда). Как правило, большинство лексических элементов имеют несколько прототипических контекстуальных зависимостей, что принято рассматривать как полисемию, и достаточно часто — в противоположность учебникам — контекст не выделяет только одну из них, поскольку снятие «неоднозначности» может либо не происходить, либо же происходить, но совсем по-иному: не путем выбора одного из узуальных значений, а благодаря созданию нового или же одновременной реализации нескольких, совокупность которых также можно рассматривать как создание нового значения. Следовательно, даже применительно к так называемым «нетипичным» случаям (их можно определить как значительное отклонение от любого из возможных прототипов) было бы предпочтительнее говорить не об изменениях или сдвигах значения, а о выборе тех или иных параметров из области интерпретации данного выражения.

Предлагаемый подход можно рассматривать как текстоцентричный — он не основывается на заранее заданном множестве знаков (лексиконе) и правилах их интерпретации, а концентрируется на порождении взаимозависимостей между семантическими составляющими. «Компонентные структуры следует рассматривать не как строительные блоки, а как ступеньки, обеспечивающие доступ к сложной концепции»¹⁸. Текст и контекст будут основными исходными понятиями и знаками, а их значения будут рассматриваться как контекстно-зависимые переменные и одновременно контекстообразующие операторы. В соответствии с принципами динамической семантики следует предположить, что семантика составляющих единиц не только зависит от контекста, но и в свою очередь меняет его.

Значение лексического элемента рассматривается как значение композиционной или декомпозиционной функции от текста, контекста и выражения. При таком подходе буквальное и небуквальное (метафорическое, окказиональное, идиоматическое, отклоняющееся и т. д.) значения можно рассматривать не как принципиально различные и неоднородные явления, а скорее как различные проявления контекстуальной зависимости: 1) от возможного в нейтральном контексте до требующего «сильной степени» принуждения, то есть особого лингвистического или экстралингвистического контекста; 2) системного и стабильного до случайного и неопределенного. Тем самым предпринимается попытка объединить принципы, которые ранее считались несовместимыми: принцип композиционности Фреге, согласно которому значение целого является функцией его компонентов, и принцип контекстуальности, согласно которому семантика может быть идентифицирована только в целостном контексте. Значения лексических элементов описываются как операторы, которые, взаимодействуя, совместно преобразуют первичные значения в композицию. И наоборот, значение исходной единицы будет рассматриваться как значение де-композиционной функции.

Такой подход и соответственно операции пилотирования можно соотнести с процедурами герменевтического толкования. В частности, они могут быть рассмотрены как спецификация уточненного Х. Г. Гадамером принципа «пробрасывания» смысла (вместо более традиционной процедуры «кругового возвращения»):

«Кто хочет понять текст, занят набрасыванием: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь пробрасывает себе, проецирует смысл целого. А проблеск смысла в свою очередь появляется лишь благодаря тому, что текст читают с известными ожиданиями, в направлении того или иного смысла. И понимание того, что «стоит» на бумаге, заключается, собственно говоря, в том, чтобы разрабатывать такую предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости от того, что получается при дальнейшем вникании в смысл»¹⁹.

¹⁷ Q. v.: Pustejovsky J., Jezek E. Semantic coercion in language: beyond distributional analysis // *Rivista di Linguistica*. 2008. 20.1. Pp. 181–214.

¹⁸ Langacker R. *Constructions and constructional meaning* // *New directions in cognitive linguistics*. John Benjamins Publishing co., 2009. P. 233.

¹⁹ Гадамер Х. Г. *О круге понимания* // *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 72.

5. Если считать, что результирующее композиционное значение порождается из полностью определенных составляющих, то тогда было бы невозможно объяснить появление в нем новых, эмерджентных (вновь возникающих) семантических характеристик, которые не присутствуют в исходных составляющих²⁰. Рассмотрим ниже примеры, похожие на приводимые Н. Эшером²¹, где предложения “*The number two is red. The number two is soft*” были даны как примеры «категориальных ошибок» (*categorical mistakes*)²², которые не могут быть поняты, «если только один из терминов не был переопределен или не приобрел весьма своеобразное значение в контексте», ибо «контекст позволяет нам понять это некоторым метафорическим или косвенным образом»²³. Такой подход продолжает оставаться в пределах так называемой теории типов.

Безусловно, это так, однако здесь требуется уточнение, о каком типе категориальной несовместимости идет речь: является ли это логической или лексической семантической несовместимостью. Данный вопрос можно рассматривать как ключевой применительно ко всем экстраполяциям логической теории типов к семантическому синтаксису естественных языков, то есть для теории коэрсии в целом. Так, например, логическая несовместимость между треугольниками и квадратами может быть преодолена в сочетании «треугольные квадраты»: предложение *Мой друг потратил всю свою жизнь на поиск квадратных треугольников* допускает двойную интерпретацию — квадратные треугольники понимаются метафорически относительно реального мира (мой романтический друг всегда был вовлечен в непрактичные или даже невозможные дела), но также и в буквальном смысле слова, относящегося к воображаемому миру, — к состоянию ума какого-то иррационального человека, который на самом деле пытался построить квадратные треугольники. Видеть здесь «категориальную ошибку» или семантическую несовместимость можно применительно к математике, но не к лексической семантике, где семантика обоих слов «треугольник» и «квадрат» уже не является жестко определенным конструктом, а выступает как контекстуальная переменная. Относительно данного примера возможно возразить, что треугольных квадратов не существует и тогда выражение отсылает либо к другому неметафорическому выражению, либо к невозможному возможному миру²⁴. Однако такое возражение уводит нас от лингвистики, ибо здесь важна не логическая противоречивость сочетания, а то, каким образом «категориально ошибочное» выражение может получить осмысленную и «правильную» интерпретацию.

Более того, даже буквальное понимание подобных выражений не всегда является признаком безумия. Так, существуют треугольные числа, которые одновременно являются также и квадратными. В математике есть понятие треугольное число — это число точек, составляющих треугольник, стороны которого содержат n точек и равно сумме натуральных чисел от 1 до n . Аналогично определяются и квадратные числа, некоторые из которых являются так же и треугольными. Поскольку ряд натуральных чисел бесконечен, то бесконечны и множества как треугольных, так и квадратных чисел. Вдобавок к этому существует бесконечно много треугольных чисел, которые являются также и квадратными: 1, 36, 1225 ... Как можно видеть, между существованием и референцией в данном случае нет никакого противоречия: все три слова «треугольное квадратное число» не отклоняются от своего прототипического значения: 36 — это число, и его можно представить как 36 точек, составляющих два треугольника, и одновременно

²⁰ Q. v.: Wilson D., Carston R. Metaphor, Relevance and the ‘Emergent Property’ // *Mind & Language*. 2006. Vol. 21, no. 3. Pp. 404–433.

²¹ Q. v.: Asher N. *Lexical Meaning in Context. A Web of Words*. Cambridge : Cambridge University Press, 2011 ; Idem. Types, meanings and coercions in lexical semantics // *Lingua*. 2015, March. N 157. Pp. 66–82.

²² Idem. Asher N. *Lexical Meaning in Context*. P. 4–5.

²³ Idem. Types, meanings and coercions in lexical semantics. P. 76.

²⁴ См.: Хинтиikka Я. В защиту невозможных возможных миров // *Логико-эпистемологические исследования* : сб. избр. ст. М. : Прогресс, 1980. С. 228–242 ; Cresswell M. A highly impossible scene: The semantics of visual contradictions // *Meaning Use and Interpretation of Language* / ed. R. Bäuerle, Ch. B. Schwarze, A. von Stechow; de Gruyter. Berlin, 1983. Pp. 62–78.

как квадрат. Тем не менее, вводится новая концепция числа (число как сумма некоторых последовательностей), новый Sinn (смысл) для того же Bedeutung (денотат). Это не меняет какую-либо из предыдущих интерпретаций этого выражения, но создает новую, основанную на других постулатах значения (meaning postulates)²⁵. Коэрсия в данном случае не является оператором или операцией изменения типа, а скорее приспособлением (accommodation) возникающих (эмерджентных) семантических постулатов к существующим лингвистическим выражениям и вновь создаваемому для их интерпретации контексту²⁶.

Список использованной литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М. : Иностр. лит., 1958. — 131 с.
2. Гадамер Х. Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного. — М. : Искусство, 1991. — С. 72–91.
3. Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. — 2016. — № 3. — С. 7–21.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1960. — Вып. 1. — С. 264–389.
5. Золян С. Т. О формальном аппарате контекстно-зависимой композиционной семантики // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2015. — Вып. 2 (33). — С. 3–19.
6. Золян С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. — Вып. 7 : Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты : материалы Междунар. науч. конф. — М., 2016. — С. 69–85.
7. Лотман М. Ю. Семантическая структура связного текста и проблемы ее представления в АИПС. — Таллинн : Эст. НИИ НТИ и техн.-экон. исслед., 1988. — 31 с.
8. Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Синтаксис и семантика именного контрфактива // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2017. — Вып. 16 (23). — Т. 2. — С. 302–320.
9. Хинтиikka Я. В защиту невозможных возможных миров // Логико-эпистемологические исследования : сб. избр. ст. — М. : Прогресс, 1980. — С. 228–242.
10. Asher N. Lexical Meaning in Context. A Web of Words. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 332 p.
11. Asher N. Types, meanings and coercions in lexical semantics // Lingua. — 2015, March. — N 157. — Pp. 66–82. March.
12. Audring J., Booij G. Cooperation and coercion // Linguistics. — 2016. — Vol. 54, no. 4. — Pp. 617–637.
13. Carnap R. Meaning postulate // Philosophical Studies. — 1952. — Vol. 3, no. 5. — Pp. 65–73.
14. Cresswell M. A highly impossible scene: The semantics of visual contradictions // Meaning Use and Interpretation of Language / eds. R. Bäuerle, Ch. B. Schwarze, A. von Stechow; de Gruyter. — Berlin, 1983. — Pp. 62–78.
15. Langacker R. Constructions and constructional meaning // New directions in cognitive linguistics / ed. by V. Evans, S. Pourcel. — John Benjamins Publishing co., 2009. — Pp. 225–268.
16. Malinowski B. Coral Gardens and their Magic // The Language of Magic and Gardening. — London : Allen & Unwin, 1935. — Vol. 2. — 380 p.
17. Malinowski B., Ogden C. K., Richards A. I. The Problem of Meaning in Primitive Languages // The Meaning of Meaning, Supplement I. — London : Kegan Paul, Supplement I, 1923. — Pp. 296–336.
18. Pustejovsky J. The generative lexicon // Computational Linguistics. — 1991. — Vol. 17, no. 4. — Pp. 409–441.
19. Pustejovsky J. The Generative Lexicon. — Cambridge (Massachusetts) : MIT Press, 1995. — 312 p.
20. Pustejovsky J., Jezek E. Semantic coercion in language: beyond distributional analysis // Rivista di Linguistica. — 2008. — 20.1. — Pp. 181–214.

²⁵ Q. v.: Carnap R. Meaning postulate // Philosophical Studies. 1952. Vol. 3, no. 5. Pp. 65–73.

²⁶ Принципы и некоторые иллюстрации такого подхода см.: Золян С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике).

21. Wilson D., Carston R. Metaphor, Relevance and the 'Emergent Property' // *Mind & Language*. — 2006. — Vol. 21, no. 3. — Pp. 404–433.

22. Weinreich U. Explorations in semantic theory // *Current Trends in Linguistics* / éd. T. A. Sebeok. — The Hague : Mouton, 1966. — Vol. 3. — Pp. 395–477.

23. Weinreich U. Problems in the analysis of idioms // *Substance and Structure of Language* / ed J. Puhvel. — Berkeley (California) : University of California Press, 1969. — Pp. 23–81.

Сведения об авторе

Золян Сурен Тигранович — доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Им. Канта», ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии Республики Армения (Ереван). Почтовый адрес: 0001, Армения, г. Ереван, ул. Арами, 44. Тел.: +(37410) 53-05-71. Электронный адрес: surenzolyan@gmail.com

Zolyan, Suren

On Interaction of Lexical Meanings: Context-Dependence and Semantic Coercion

The article discusses the processes of interaction of lexical meanings in text and context. Based on the concept of semantic coercion, we propose to consider various types of semantic interaction of lexical meanings as values of a compositional and/or decompositional function of the text, context, and prototypical meanings of this expression. In this case, the concept of coercion is rethought: if in programming languages it is considered as a type change, here we consider it as the acquisition of additional semantic and syntagmatic characteristics. We suggest supplementing description procedures conventional in the semantic syntax with the principles of hermeneutic sphere — the pre-understanding of the whole determines the understanding of the part, and, in turn, the understanding of the part leads to a rethinking of the whole.

polysemy; lexical meanings; compositional semantics; semantic coercion; contextual dependence

References

1. Wittgenstein L. *Logico-filosofsky traktat* [Logical-Philosophical Treatise]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1958, 131 p. (In Russian).

2. Gadamer H.-G. On the Sphere of Understanding. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Actuality of the Beautiful]. Moscow, Art Publ., 1991, pp. 72–91. (In Russian).

3. Dobrovolsky D. O. The Grammar of Constructions and Phraseology. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 2016, no. 3, pp.7–21. (In Russian).

4. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language. *Novoye v lingvistike* [New Trends in Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1960, iss. 1, pp. 264–389. (In Russian).

5. Zolyan S. T. On the Formal Apparatus of Context-Bound Compositional Semantics. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. Ryazan, 2015, iss. 2 (33), pp. 3–19. (In Russian).

6. Zolyan S. T. Linguistic Poetics and the General Language Theory (on Context-Bound Semantics and Text-Centered Linguistics). *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pervye Grigoryevskiy chteniya. Yazykovoye tvorchestvo vs. kreativnist': esteticjeskiy, evristicheskiy i pragmaticheskiy aspekty* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Materials of the international scientific conference "First Grigoriev's readings: Linguistic creativity: aesthetic, heuristic and pragmatic aspects"]. Moscow, 2016, vol. 7, pp. 69–85. (In Russian).

7. Lotman M. Yu. *Semanticheskaya struktura svyaznogo teksta i problema ee predstavleniya v AIPS* [The Semantic Structure of a Coherent Text and the Problems of its Representation in AIPS]. Tallinn, Estonian Research Institute of Technological Information and techn.-econ., 1998, 31 p. (In Russian).

8. Liutikova E. A., Tetevosov S. G. Syntax and Semantics of Nominative Counter-Factual phrases. *Kompiuternaya lingvistika i intellectual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii*

[Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue”]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2017, vol. 2, no. 16 (23), pp. 302–320. (In Russian).

9. Hintikka J. In Defence of the Impossible Possible Worlds. *Logiko-epistemologicheskiye issledovaniya* [Logical and Epistemological studies. Selected papers]. Moscow, Progress Publ., 1980, pp. 228–242. (In Russian).

10. Asher N. *Lexical Meaning in Context. A Web of Words*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 332 p.

11. Asher N. Types, meanings and coercions in lexical semantics. *Lingua*. 2015, March, no. 157, pp. 66–82.

12. Audring J., Booij G. Cooperation and coercion. *Linguistics*. 2016, vol. 54, no. 4, pp. 617–637.

13. Carnap R. Meaning postulate. *Philosophical Studies*. 1952, vol. 3, no. 5, pp. 65–73.

14. Cresswell M. A highly impossible scene: The semantics of visual contradictions. (eds.) R. Bäuerle, Ch. B. Schwarze, A. von Stechow; de Gruyter. *Meaning Use and Interpretation of Language*. Berlin, 1983, pp. 62–78.

15. Langacker R. Constructions and constructional meaning. Evans V., Pourcel S. (ed. by) *New directions in cognitive linguistics*. John Benjamins Publishing co., 2009, pp. 225–268.

16. Malinowski B. Coral Gardens and their Magic. *The Language of Magic and Gardening*. London, Allen & Unwin, 1935, vol. 2, 380 p.

17. Malinowski B., Ogden C. K., Richards A. I. The Problem of Meaning in Primitive Languages. *The Meaning of Meaning*, Supplement I. London, Kegan Paul, Supplement I., 1923, pp. 296–336.

18. Pustejovsky J. The generative lexicon. *Computational Linguistics*. 1991, vol. 17, no. 4, pp. 409–441.

19. Pustejovsky J. *The Generative Lexicon*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1995, 312 p.

20. Pustejovsky J., Jezek E. Semantic coercion in language: beyond distributional analysis. *Rivista di Linguistica*. 2008, 20.1, pp. 181–214.

21. Wilson D., Carston R. Metaphor, Relevance and the ‘Emergent Property’. *Mind & Language*. 2006, vol. 21, no. 3, pp. 404–433.

22. Weinreich U. Explorations in semantic theory. T. A. Sebeok (éd.) *Current Trends in Linguistics*. The Hague, Mouton, 1966, Vol. 3, pp. 395–477.

23. Weinreich U. Problems in the analysis of idioms. J. Puhvel (ed.) *Substance and Structure of Language*. Berkeley, California, University of California Press. 1969, pp. 23–81.

Information about the author

Zolyan, Suren — Dr. Habil., Professor (philology), Professor of the Institute for Humanities, Im. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; leading research fellow, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Postal address: 44, Arami, Yerevan, 0010, Armenia. Tel.: + (37410) 53-05-71. E-mail: surenzolyan@gmail.com

Поступила в редакцию 16.09.2019

Received 16.09.2019